

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
Институт археологии

На правах рукописи
УДК 930.26.3

МУРЗИН
Вячеслав Юрьевич

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ СКИФОВ

07.00.02

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

КНЕВ-1992

00815032 (J)

Работа выполнена в Отделе скифо-античной археологии
Института археологии АН Украины

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Б. А. Шрамко;
доктор исторических наук Г. И. Смирнова;
доктор исторических наук, профессор В. Ф. Генинг.

Ведущая организация:

Институт археологии РАН

Защита состоится ¹⁰ ноября 1992 г. в 14 часов на
заседании Специализированного совета по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте
археологии АН Украины по адресу:

252025, г. Киев, ул. Владимирская, д. 3

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Инсти-
тута археологии АН Украины по адресу:

252014, г. Киев, ул. Выдубецкая, 40

Автореферат разослан "7" октября 1992 г.

Ученый секретарь

Специализированного Совета
кандидат исторических наук

В. А. Петрашенко

В. А. Петрашенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как и любая отрасль знания, скифология, формирование которой как отдельного направления историко-археологической науки берет свое начало еще во второй половине XVIII в., находится в состоянии постоянного развития и видоизменения. Обратившись к истории исследования скифской проблемы, мы без труда заметим, как периоды активного накопления и систематизации конкретного археологического материала сменялись периодами, когда на первое место выдвигались задачи изучения общих проблем истории скифов. Естественно, подобное деление весьма условно, как условно и само деление научных исследований на конкретные и обобщающие, однако такое "волнообразное" развитие скифоведения является, тем не менее, фактом достаточно очевидным. Очевидно и то, что именно в последние годы заметно обострился интерес к кардинальным проблемам скифской науки. И это вполне понятно - огромный археологический материал, поступивший в распоряжение специалистов в результате широких, невиданных ранее по масштабу полевых исследований скифских памятников юга Восточной Европы, настоятельно требует не только своего осмысления в рамках ранее существовавших концепций, но и значительной - иногда кардинальной, корректировки последних. В частности, одной из насущных потребностей современного скифоведения является необходимость нового рассмотрения целого комплекса вопросов, связанных с этногенезом скифов как конкретного исторического народа, а также таких тесно примыкающих к этой проблеме моментов, как история ранней Скифии, её этногеография, общественное устройство. Если точнее, то **актуальность** этой задачи определяется, прежде всего:

- стремительным развитием и углублением наших представлений о позднейшем предскифском периоде;
- увеличением числа известных нам раннескифских памятников в степной части Северного Причерноморья;
- расширением представлений о пределах распространения памятников раннескифской культуры к востоку от Дона и, что особенно важно,

АНБ Им. В. Степанова
АН УРСР

исследованием целого ряда раннескифских памятников в степных районах Северного Кавказа.

Действительно, одним из важнейших событий последнего времени в археологии раннего железного века Восточной Европы стало выделение древнейших предскифских памятников типа Черногоровки-Новочеркасского клада, которые сейчас большинство исследователей склонны связывать с историческими киммерийцами. Хотя первые статьи на эту тему, принадлежавшие перу А. А. Иессена и А. И. Тереножкина, были опубликованы еще в начале 50-х гг., наличие мощного культурного пласта черногоровско-новочеркасских памятников, отделяющего во времени пооднесрубную и скифскую культуры, стало очевидным и общепризнанным лишь сравнительно недавно - после того, как была открыта целая серия погребений этого периода и вышла в свет обобщающая монография А. И. Тереножкина [1976]. Ее публикация означала, по сути, завершение длительного, начатого еще исследованиями В. А. Городцова, процесса формирования нового, самостоятельного направления в археологии раннего железного века - киммероведения.

Естественно, выделение памятников типа Черногоровки-Новочеркасского клада, непосредственно предшествующих скифским, не могло не сказаться на понимании ряда спорных вопросов скифской археологии - таких, как время и характер смены киммерийской культуры скифской, хронология древнейших скифских памятников, формирование собственно скифской культуры и скифского этноса.

Заметно повлияло на реконструкцию раннего этапа скифской истории и открытие в степной части Северного Причерноморья значительной группы скифских погребальных памятников эпохи архаики. Достаточно сказать, что по сравнению со сводкой И. В. Яценко [1959] число только введенных в научный оборот памятников этого периода увеличилось в несколько раз [Ильинская, Тереножкин, 1983, С. 87-118; Мурзин, 1984, С. 11-47]. Однако эта тенденция в полной мере характерна лишь для памятников конца VI-V вв. до н. э., тогда как количество древнейших скифских памятников (VII-VI вв. до н. э.) на территории северопричерноморской степи практически осталось неизменным. Учитывая размах археологических исследований на юге Украины, едва ли можно допустить, что здесь играет роль элемент случайности - судя по всему, крайняя малочисленность скифских памятников VII-VI вв. до н. э. реально отражает историческую ситуацию, характерную для того периода.

Вместе с тем, все более рельефно вырисовывается значительная

концентрация древнейших скифских памятников в равнинных районах Северного Кавказа и в Прикубаньи. В числе сравнительно недавно открытых памятников такого рода можно назвать, например, Большие Ставропольские курганы [Петренко, 1976; 1983] и Нартановский курганный могильник [Батчаев, 1985]. Все эти археологические материалы не только подтверждают вывод о непосредственном присутствии скифского населения в степных районах Северного Кавказа, на что указывал Е. И. Крупнов [1960], но и свидетельствуют о размещении здесь центра древнейшего скифского объединения, которое можно сопоставить с "царством Ишкуза" ассирийских источников. Перемещение основной массы скифских племен в степи Северного Причерноморья происходит лишь около середины VI в. до н.э.

В результате стало ясно, что проблема этногеографии Скифии не сводится только к локализации названных Геродотом племен на современной географической карте, но и предполагает исследование динамики перемещения основного ядра скифских племен из восточных районов европейской степи в Нижнее Поднепровье и Крым, а также причин этого процесса. В свою очередь, такая постановка данного вопроса дает основание для пересмотра ранее существовавших взглядов относительно сложения северопричерноморской Скифии. Все перечисленные выше обстоятельства приобретают особое значение при рассмотрении вопросов, вынесенных в название данной работы, и настоятельно требуют их осмысления в общем контексте исторического развития скифов.

Этим и обуславливается **основная цель работы**. Главное внимание в ней уделяется решению таких вопросов, как становление северопричерноморской Скифии, формирование скифской военно-политической организации и, что является первостепенной задачей исследования, реконструкции на этом фоне длительного процесса сложения собственно скифского этноса.

Хронологические рамки работы определяются временем зарождения и активного развития перечисленных выше процессов, т.е. VII- V вв. до н.э.

Именно в первые десятилетия VII в. до н.э. происходит встреча пришлых ("протоскифских") и местных ("киммерийских") кочевых племен, которую следует считать не только исходной точкой этногенеза скифов, но и началом собственно скифской истории. Переломным, водораздельным её этапом был также V в. до н.э., в особенности его вторая половина. На протяжении этого отрезка времени, по нашему

мнению, происходит окончательное сложение северопричерноморской Скифии в рамках Степи и части Лесостепи, а также в основном завершается процесс формирования собственно скифского этноса.

Основными источниками, использованными при подготовке данной работы, послужили археологические памятники и отдельные находки вещей раннескифской культуры, выявленные на территории Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Закавказья и Передней Азии, а также свидетельства древних авторов и этнографические материалы.

Новизна работы заключается, прежде всего, в том, что настоящее исследование является первой специальной работой, посвященной изучению процесса формирования скифского этноса на широком фоне раннескифской истории. Конкретные разработки автора по этой теме, изложенные в целом ряде изданий, охватывают такие вопросы как сложение северопричерноморской Скифии, характер скифской военно-политической организации, динамика сложения собственно скифского этноса и основные этапы этого процесса. В результате автором была сформулирована собственная концепция раннескифской истории, включающая в себя такие основные элементы: 1) точкой отсчета скифской истории явилось продвижение в степи Восточной Европы новой волны кочевников с востока - "протоскифов", имевшее место в начале VII в. до н.э.; 2) локализация центра древнейшей Скифии на территории равнинных районов Северного Кавказа и Прикубанья; 3) вывод о перемещении центра Скифии в степи Северного Причерноморья в середине VI в. до н.э. и оценка этого события как начальной фазы процесса становления северопричерноморской Скифии, завершающегося во второй половине V в. до н.э.; 4) вывод о наличии у скифов раннеклассового объединения, возникшего в результате покорения в VII в. до н.э. "протоскифами" местных киммерийских племен, зависимое положение которых было закреплено триадной военно-политической организацией; 5) в рамках возникшего социально-экономического единства и происходило постепенное формирование на основе местных и пришлых этнических компонентов собственно скифского этноса, которое достигло своего логического завершения к концу V в. до н.э.

Практическая ценность работы состоит в углублении знаний об одном из важнейших периодов скифской истории, что позволяет уточнить и, в ряде случаев, по новому сформулировать некоторые положения современного скифоведения - т.е. той специальной отрасли историко-археологической науки, которая изучает генезис культур скифского типа на территории Восточной Европы и исторические судь-

бы их создателей. Основные выводы работы могут быть использованы в обобщающих работах по древней истории, в частности при подготовке "Истории древнего населения Украины", запланированной Институтом археологии АН Украины на ближайшие годы, а также при подготовке курсов лекций в высших учебных заведениях, формировании музейных экспозиций и т. д.

Апробация результатов исследования проводилась на заседаниях Отдела скифо-античной археологии Института археологии АН Украины, на конференциях и семинарах, в том числе международной конференции "Кочевники Восточной Европы" в г. Шлезвиге летом 1991 г. По теме диссертации опубликовано 37 работ, в том числе монографии: "Скифская архаика Северного Причерноморья", К., 1984; "Происхождение скифов. Основные этапы формирования скифского этноса", К., 1990; "Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э.", К., 1991 (совместно с А. Ю. Алексеевым и Р. Ролле), а также разделы коллективных монографий, одна брошюра (совместно с Ю. В. Павленко).

Структура работы подчинена основной цели и задачам исследования. Рукопись диссертации состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяются хронологические рамки и формулируется основная цель исследования.

Глава 1 посвящена рассмотрению современного состояния изучения ранней скифской истории в целом, а также обоснованию целей и задач настоящего исследования.

В главе отмечается, что большинство точек зрения относительно происхождения скифов в основе своей примыкает к одной из двух традиционно противопоставляемых концепций.

Первая, получившая в литературе наименование "автохтонной", основывается на представлении о генетической связи скифов с носителями срубной культуры. При этом, по мнению М. И. Артамонова и Б. Н. Гракова, впервые сформулировавших основные положения этой теории, срубная культура непосредственно предшествовала скифской. Возникновение собственно скифской культуры к VII в. до н. э. обусловлено, по М. И. Артамонову, влиянием переднеазиатской цивили-

зации или, по Б. Н. Гракову, самостоятельным, местным развитием срубной культуры.

В связи с выделением культуры типа Черногоровки-Новочеркасского клада, которая хронологически разделяет срубную и скифскую культуры, А. М. Лесков несколько скорректировал "автохтонную" теорию. Киммерийцами, по его мнению, являются носители черноговровской культуры, а древнейшую скифскую культуру он усматривает в культуре, представленной памятниками новочеркасского типа. Однако их общей основой являлась срубная культура, на базе северопричерноморского варианта которой возникла культура типа Черногоровки, а приволжского и предкавказского - культура типа Новочеркасского клада бронзы. По сути, взгляды А. М. Лескова отличаются от взглядов основателей "автохтонной" теории лишь тем, что Б. Н. Граков и М. И. Артамонов непосредственно связывали скифскую и срубную культуры и, соответственно, их носителей, тогда как А. М. Лесков соединяет их с помощью дополнительного звена - памятников черноговровско-новочеркасского типа и населения, оставившего эти памятники.

Определенной модернизации "автохтонная" теория подверглась и в работах Д. С. Раевского. Прежде всего он предложил, учитывая современное состояние науки, видеть в кочевых скифах не вторую волну срубных племен из Поволжья, как считал Б. Н. Граков, "а этнически и культурно близкие к ним группы, ранее проникавшие в западные области Средней Азии... и уже оттуда двинувшиеся на территорию Европейской Скифии" [Раевский, 1977, С. 144]. Кроме того, в связи с открытием кургана Аржан в Туве, одновременного северопричерноморским памятникам типа Черногоровки-Новочеркасского клада, но уже содержащим вполне развитые образцы материальной культуры скифского типа, а также изделия, выполненные по канонам скифского звериного стиля, Д. С. Раевский был вынужден совместить "автохтонную" теорию с идеей так называемого "полицентризма", в основе которого лежит мысль М. П. Грязнова о независимом и самостоятельном развитии, имеющим местные корни, целого круга культур скифского типа на территории Евразии. При таком подходе, по его мнению, даже признание того, что курган Аржан по времени предшествует памятникам скифской культуры Причерноморья, не означает необходимости поиска истоков последней в восточных районах Евразии.

Вторая теория, активными сторонниками которой многие годы были В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин, связывает, в соответствии с данными Геродота, появление скифских племен на территории юга

Восточной Европы с продвижением последних из глубинных районов Азии. Привнесенная ими из восточных районов Евразии собственно скифская культура механически сменяет позднейшую предскифскую культуру типа Черногоровки-Новочеркасского клада, которая, по А. И. Тереножину [1976], сопоставима с культурой исторических киммерийцев, сформировавшейся на основе срубной культуры позднего бронзового века. В свою очередь, население срубной культуры составило основу киммерийского этноса.

Несмотря на кажущуюся несовместимость рассмотренных выше реконструкций этногенеза скифов, во взглядах их сторонников наблюдается определенное единство. Суть его заключается в том, что большинство исследователей, независимо от того, какой концепции они придерживаются, все же считают, что формирование скифов как исторического народа произошло в результате взаимодействия как местных кочевых племен юга Восточной Европы, так и пришлых номадов.

При таком подходе разногласия между сторонниками двух концепций выглядят не столь уж непреодолимыми. В принципе, их можно свести к двум моментам: 1) к различной оценке удельного веса местных и пришлых компонентов в составе скифского этноса; 2) к различному определению территории, послужившей исходной точкой в движении мигрантов с востока.

Сходная ситуация сложилась и в смежных с археологией областях знания. Так, например, И. В. Куклина [1981, 1985], анализируя античные письменные источники, пришла к выводу, что историческую прародину скифов следует искать на юге Сибири.

Весьма неоднозначны выводы лингвистов. В. И. Абаев, развивая тезис об автохтонности ираноязычного элемента в Восточной Европе [1965], в то же время допускал, что сохраненное Геродотом предание о приходе скифов из Азии отражало одно из передвижений иранских племен в границах издавна занятой ими обширной территории. Близки его взглядам и выводы Э. А. Грантовского [1980], не отрицающего роли пришлого (предположительно - с территории между Волгой и Аралом) ираноязычного населения в формировании собственно скифского этноса. Тезис о локализации прародины индоиранцев в Восточной Европе служит исходной посылкой и для гипотезы О. Н. Трубачева [1979, 1981], предполагающего, что после разделения индоиранского массива на индоарийскую и иранскую языковые ветви часть индоариев продолжала обитать на юге Восточной Европы и была затем ассимилирована пришлыми ираноязычными скифами. Тем более заметной представляется

роль пришлого населения в формировании скифского этноса, если следовать тем лингвистам, которые размещают общую родину иранских племён в пределах Средней Азии и прилегающих районов (Б. Г. Гафуров), или считают эту территорию промежуточным пунктом на пути продвижения носителей иранских диалектов со своей прародины, локализуемой в северной части Иранского нагорья, в направлении Поволжья и Северного Причерноморья (Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов).

Проблема этногенеза скифов освещена и в некоторых работах антропологов. Г. Ф. Дебец [1971], например, отмечая значительную близость краниологических материалов срубного времени и скифских, всё же не считал скифов прямыми потомками носителей срубной культуры. Ещё более определённо высказался В. П. Алексеев [1980], отметивший необходимость совмещения центральноазиатской и автохтонной гипотез происхождения скифов. Иного мнения придерживается Т. С. Кондукторова [1972], которая считает предками скифов предшествующее население северопричерноморской Степи или Нижнего Поволжья. Однако на её выводы, несомненно, повлияло то обстоятельство, что анализируемый ею материал происходит, в основном, из памятников IV в. до н. э.; к этому времени восточный импульс мог постепенно угаснуть в результате смешения пришлого населения с автохтонным - как правило, новая этническая общность сочетала в себе язык суперстрата с физическим обликом субстрата [Бромлей, 1983]. Характерный пример такого рода - современное население Турции, близкое по своим антропологическим особенностям древним жителям Малой Азии [Еремеев, 1971].

Таким образом не представляется возможным настаивать на полном соответствии одной из существующих в археологии концепций происхождения скифов всему многообразию данных лингвистики, антропологии и письменных источников. Иное дело - признание гетерогенного характера скифского этноса, сформировавшегося в результате взаимодействия родственных по языку местных и пришлых кочевых племён, генетические истоки которых, в свою очередь, следует искать среди различных групп населения культур срубного (местная линия) и андроновского (восточный компонент) круга, носители которых, судя по всему, были ираноязычны [Акишев, 1973; Смирнов, Кузьмина, 1977; Кузьмина, 1981; Членова, 1984 и др.].

Такой подход находит подтверждение и в данных этнографии, поскольку перемещение этноса на новую территорию в подавляющем большинстве случаев приводило к синтезу этнического суперстрата и субстрата [Алексеев, Бромлей, 1968; Генинг, 1970; Бромлей, 1983].

Признание скифского этноса гетерогенным в качестве исходной посылки при решении проблемы происхождения скифов открывает целый ряд конструктивных возможностей в исследовании скифского этногенеза. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны [Алексеев, 1989; 1991; Воковенко, 1989; Исмагилов, 1988; Ключко, Мурзин, 1987; 1989; Мурзин, 1984; 1987; 1990; Раевский, Погребова, 1992]. Упомянутые работы посвящены конкретным аспектам проблемы происхождения скифов, что позволяет также конкретно и предметно обсуждать различные детали такого сложного этногенетического процесса, каким являлось сложение собственно скифского этноса. Конкретному исследованию проблемы происхождения скифов посвящена и настоящая работа. В ней суммированы те немногочисленные отзвуки происходивших в скифском обществе этнообъединительных процессов, которые нашли свое отражение в археологических и письменных источниках. Они рассмотрены на фоне основных моментов скифской истории и формирования скифской военно-политической организации, ибо именно эти события привели к взаимодействию в рамках одного этносоциального организма различных по происхождению групп кочевников и стабилизации этого новообразования в определенных территориальных пределах, обеспечив, тем самым, само зарождение этнических отношений и их развитие.

Главу 2 "Политическая история скифов в VII-V вв. до н.э." мы и посвятили поэтому анализу узловых, определяющих моментов раннескифской истории.

Основным фактором, обусловившим историческое развитие в этот период, было, по нашему глубокому убеждению, постепенное перемещение границ скифского объединения с востока - из равнинных районов Северного Кавказа и Прикубанья, на запад - в Северное Причерноморье, где постепенно сформировалась и достигла могущества северопричерноморская Скифия. Однако для того, чтобы рельефнее осветить динамику её становления, мы начинаем свой анализ с самых ранних событий скифской истории, а именно со скифских походов в страны Передней Азии.

Рассмотрев данные соответствующих письменных и археологических источников, мы приходим к следующим выводам.

1) Главным условием успешного продвижения скифов в Переднюю Азию и установления там скифской гегемонии была протекавшая в этот период борьба Ассирии и противостоящих ей стран. При такой политической ситуации скифы на некоторое время становятся третьей - и во

многим решающей - силой в этом регионе, поскольку их политическая позиция влияла на исход этой борьбы. Скифское господство в Передней Азии обуславливалось и поддержкой дряхлеющей, но все ещё могущественной Ассирии, вынужденной считаться с необходимыми ей союзниками. Овладение Ниневией объединенными силами Мидии и Вавилона в 612 г. до н.э. и последовавшее за этим уничтожение последних оплотов ассирийской державы, продолжавшееся до 605 г. до н.э. [Дьяконов, 1956], означали наступление в Передней Азии относительного мира и спокойствия. Именно эти события, подрывавшие военно-политическую основу скифского господства в регионе, привели к краху скифской экспансии.

2) Не представляется возможным рассматривать движение скифов в Переднюю Азию как единовременный акт, как массовое и организованное переселение всего народа с целью обосноваться на захваченной территории. Известно по крайней мере о двух волнах скифских вторжений в Закавказье и Переднюю Азию - скифов Ишпакая и Партатуа в 70-е гг. VII вв. до н.э. и более позднее вторжение войска Мадия. Эти акции носили характер воинских походов и не могли привести к оседанию значительной части скифского населения в завоеванных районах.

3) В этой связи мы подробно рассматриваем вопрос о возможной локализации "царства Ишкуза" ассирийских источников [АВИУ, №68]. Опираясь на анализ письменных документов и археологического материала, а также на разработки В. В. Виноградова [1964], Дж. А. Халилова [1971], и М. Н. Погребовой [1984], мы констатировали, что поиски его территории к югу от Главного Кавказского хребта - будь то в районе оз. Урмия (Р. Гиршман, Е. В. Пиотровский, А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская) или на территории современного Азербайджана (И. М. Дьяконов и И. Алиев) бесперспективны.

4) Данное обстоятельство делает возможным, как это и предлагал ранее В. В. Виноградов [1964], рассмотреть вопрос о локализации "царства Ишкуза" в южных районах восточноевропейских степей. С нашей точки зрения, его следует искать в равнинных районах Северного Кавказа и Прикубанья, где в эпоху переднеазиатских походов обитало, как мы уже неоднократно писали [1978, 1984; 1986; 1990], основное ядро скифских племен.

На территории Северного Кавказа собственно скифские погребальные памятники обнаружены в степных районах Ставропольщины, Кабарды, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни, примыкающих к централь-

нокавказским проходам в Закавказье с севера. В их числе следует упомянуть Большие Ставропольские курганы, Нартановский курганный могильник, Вольно-Аульские курганы, курганы у сс. Гвардейское и Степное. Вторая, довольно многочисленная и, вместе с тем, компактная группа скифских памятников расположена в Прикубанье, откуда в Закавказье и далее на юге вел хорошо освоенный с древности путь, пролежавший вдоль восточного побережья Чёрного моря. Здесь расположены такие памятники раннескифской культуры, как Келермесские, ранние Ульские, Костромской курганы.

Всего же на территории степных районов Предкавказья и Северного Кавказа к настоящему времени известно не менее пятидесяти скифских погребальных комплексов VII-VI вв. до н. э. [Крупнов, 1960; Виноградов, 1972; Мурзин, 1978; Ильинская, Тереножкин, 1983; Петренко, 1983; Галанина, 1983; Махортых, 1991], большинство которых отличается внушительностью погребальных сооружений и богатством погребального инвентаря. Присутствие скифского населения в указанных районах проявляется и в активном внедрении многих элементов скифской материальной культуры и некоторых деталей скифского погребального обряда в культуру местного населения Северного Кавказа, прежде всего - в культуру кобанских племён [Виноградов, 1972].

Иная картина наблюдается на территории степной части Северного Причерноморья. VII-VI вв. до н. э. датируется не более 20 открытых здесь погребальных памятников, равномерно "разбросанных" на этом обширном пространстве и отличающихся (за исключением курганов у слободы Криворожье и Мельгуновского) достаточно скромным инвентарём.

Несколько позднее ситуация меняется. В сводки, учитывающие материалы примерно к 1980 г. [Ильинская, Тереножкин, 1983; Мурзин, 1984], удалось включить уже более восьмидесяти погребений конца VI-V вв. до н. э. При этом основная их масса концентрируется в Нижнем Поднепровье и Степном Крыму, где расположены и наиболее богатые скифские памятники этого времени. В отличие от более ранних, число памятников такого рода постоянно растёт в результате новых археологических исследований. Так, только за последние годы, по нашим данным, открыто не менее 50 погребений конца VI-V вв. до н. э. Следует также учитывать, что до сих пор речь шла лишь о тех памятниках, датировка которых не вызывает сомнений. Между тем, известно довольно много рядовых скифских захоронений, которые могут быть отнесены как ко второй пол. V, так и к IV вв. до н. э. Возмож-

но в дальнейшем - после того, как будет разработана более дробная хронологическая шкала для памятников этого периода (такая попытка была сделана, например, С. В. Полиным [1987]), - многие из них пополнят список памятников собственно У в. до н.э., сделав эту группу археологических объектов ещё более весомой.

Весьма симптоматично, что процесс постепенного увеличения численности скифских погребальных памятников на территории Северного Причерноморья сопровождался заметным уменьшением количества собственно скифских погребальных памятников на территории Северного Кавказа, что было еще раз подтверждено в специальной работе С. В. Махортых [1987].

Все это позволило нам предположить [1978; 1984; 1986; 1990], что в середине УІ в. до н.э. основное ядро скифских племён переместилось из равнинных районов Северного Кавказа и Прикубанья в степи Нижнего Поднепровья и Степной Крым.

Ответ на вопрос о причинах этого события, положившего начало сложению северопричерноморской Скифии, может быть получен только в результате анализа исторической ситуации, сложившейся к этому времени. По нашему мнению, основными факторами, ее характеризующими, являются следующие обстоятельства.

С момента окончания переднеазиатских походов, служивших для скифов неистощимым источником обогащения, что и нашло свое отражение в погребальном инвентаре больших царских курганов Прикубанья и Ставропольщины, северокавказские и прикубанские степи утратили свое военно-стратегическое значение и превратились в достаточно изолированный регион, удаленный от основных сельскохозяйственных центров того времени.

Если говорить о Восточной Европе, то в скифскую эпоху один из наиболее мощных очагов земледелия сложился на территории Среднего Поднепровья на местной чернолесской основе. Эта яркая и самобытная культура, экономика которой базировалась на пашенном земледелии, переживает особый подъем в VII-УІ вв. до н.э. На смену небольшим поселениям и укрепленным поселкам посадного предскифского периода приходят огромные городища, среди которых можно особо отметить Немировское, Матронинское, Трахтемировское. Усиливается процесс имущественной и социальной дифференциации, происходит выделение военной аристократии.

Уже с середины УІІ в. до н.э. определенное значение в развитии экономики этого района начинает играть фактор торговых связей

между населением Лесостепи и античным миром, осуществляемых при посредничестве первых греческих колонистов, осваивающих северное побережье Чёрного моря. Археологически это процесс прослеживается по находкам восточносредиземноморской расписной керамики (кстати, именно такая керамика обнаружена в наиболее ранних слоях Березанского поселения [Копейкина, 1979]), сосредоточенным, в основном, в лесостепном междуречье Днепра и Буга [Онайко, 1966]. С основанием Ольвии, которое Ю. Г. Виноградов [1971; 1976] относит к рубежу VII-VI вв., а С. Д. Крыжицкий [1979] к несколько более позднему времени, товарообмен между населением Лесостепи и античными центрами Днепро-Бугского лимана значительно усилился. Это прослеживается по увеличению количества античного импорта на территории Среднего Поднепровья в целом и на территории Лесостепного днепровского Правобережья (бассейн р. Тясмин, район Канева) в частности. Последнее, на наш взгляд, свидетельствует, что эти районы и были основным направлением торговой деятельности греческих колонистов в VI в. до н. э., получавших отсюда различные продукты местного хозяйства, среди которых главную роль играл выращенный здесь хлеб.

Так к середине VI в. до н. э. на территории Северного Причерноморья впервые складывается своеобразная историческая ситуация, определявшая судьбы населения этого региона на протяжении огромного, многовекового отрезка времени. Главной её особенностью, учитывая значение регулярных торговых связей между земледельческим населением украинской Лесостепи и торгово-ремесленными центрами Средиземноморья при посредничестве греческих поселений на северном побережье Чёрного моря, было то обстоятельство, что территории торговых партнеров не соприкасались. Они были разделены широкой полосой северопричерноморской степи, по которой пролегалли связующие эти две культурные области торговые коммуникации, среди которых особое значение имели такие хорошо освоенные и удобные пути как Днепр и Южный Буг. В этих условиях территория Нижнего Поднепровья естественно становилась центром притяжения для кочевых племён, стремившихся установить свой контроль над пересекающими степной коридор торговыми путями.

Не вызывает сомнения, что скифы были первыми в длинном ряду кочевых народов, испытавших на себе притягательную силу Нижнего Поднепровья как ключевого пункта, открывающего доступ к получению значительной доли прибавочного продукта, производимого земледель-

цами Лесостепи, путем установления контроля над пролежавшими в этом районе торговыми коммуникациями. Только с этих позиций можно объяснить причины переноса центра архаической Скифии из северокавказских степей, потерявших свое значение после окончания переднеазиатских походов, на запад.

Позиции степняков были закреплены окончательным оформлением северопричерноморской Скифии в междуречье Дона и Дуная, основным центром которой являлись степи Нижнего Поднепровья, имевшие в силу сказанного выше большое стратегическое значение. Именно здесь концентрируется основная масса скифских памятников V-IV вв. до н. э., среди которых особое место занимают укрепленное Каменское городище, а также так называемые "царские" курганы. В последних накапливается огромное количество вещей античного производства, что фиксирует определённые изменения в распределении античного импорта между населением Степи и Лесостепи. Установление степными номадами твердого контроля над прилегающими через подвластную им территорию торговыми путями имело, по-видимому, и другие последствия.

Одним из них было возникновение вынужденного экономического единства двух различных хозяйственных укладов в рамках Степи и Лесостепи. При этом, естественно, основу этого единства не следует сводить только к установлению контроля кочевых скифов над хлебной торговлей в Северном Причерноморье. Это, с нашей точки зрения, было одним из основных, но все же не единственным фактором, определяющим экономическое развитие Скифии. Давно уже подмечено, что установление контроля над торговыми путями, взимание дани, захват добычи во время военных действий и прочие подобные же насильственные способы получения кочевниками прибавочного продукта, производимого земледельцами, обогащали лишь кочевую верхушку. Поэтому основная масса рядовых кочевников была заинтересована в установлении нормального товарообмена с земледельцами. Несомненно, подобная ситуация имела место и в скифском обществе. Так, Б. А. Шрамко [например: 1971] давно уже и вполне обоснованно отстаивает точку зрения, согласно которой большинство изделий из металла шло к скифам именно из Лесостепи.

Все эти экономические факторы облегчили объединение степного и лесостепного населения под эгидой ираноязычных номадов, которое происходит, по нашему мнению, ко времени Геродота. Тем самым завершается процесс образования северопричерноморской Скифии, определяющий весь ход ранней истории скифских племен. Однако в связи с

вышеизложенным закономерно возникает вопрос о характере этого образования. На этот вопрос и призван дать ответ следующий раздел работы.

Глава 3 "Характер и эволюция скифской государственности в VII-V вв. до н.э."

Несмотря на различную трактовку многих аспектов этой большой проблемы, практически всеми современными исследователями признается, что скифское общество находилось на стадии классового образования и зарождения государственности. Главным подтверждением этому служит значительная имущественная и социальная дифференциация, имевшая место в среде кочевых скифов и хорошо прослеживаемая археологически. Это имущественное и социальное расслоение общества базировалось на эксплуатации собственно скифскими племенами покоренных ими групп кочевого населения, а также земледельческих народов. В результате значительная доля продукта, получаемого скифским обществом (как за счет собственного скотоводческого хозяйства, так и за счет эксплуатации покоренных народов) аккумулировалась в руках скифской аристократии. Реальным показателем её могущества и богатства являлись так называемые "царские курганы", впечатляющие своими размерами и пышной роскошью.

Как известно, памятники такого рода объединены в две достаточно компактные в хронологическом и территориальном отношении группы. Первая из них (VII-начало VI вв. до н.э.) включает в себя курганы Ставрополя и Прикубанья (курганы у хут. Красное Знамя, Кермесские, Ульские, Костромской), а вторая (конец V-IV вв. до н.э.) - большие курганы Нижнего Поднепровья (Солоха, Чертомлык, Огуз, Ковёл и др.). Каждая из этих групп фиксирует наивысшие "пики" скифской истории, совпадающие с периодами расцвета "царства Ишкуза" и северопричерноморской Скифии соответственно.

Если стабилизация и подъём первого из названных скифских объединений была достигнута за счёт огромной добычи, поступавшей из Передней Азии - о методах её получения красноречиво рассказал Геродот [I, 106], то могущество северопричерноморской Скифии, по нашему мнению, строилось на покорении и эксплуатации номадами части лесостепного земледельческого населения, прежде всего - племён Днепровского лесостепного Правобережья.

О прямом непосредственном включении определённых районов этого региона в состав Скифии может свидетельствовать почти полное прекращение к концу V в. до н.э. жизни на таких крупных городищах,

расположенных на порубежье Степи и Лесостепи, как Матронинское, Пастырское, Шарповское, Трахтемировское, Немировское [Ильинская, Тереножкин, 1983, С. 260-285]. Более того, по данным Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессоновой и С. А. Скорого [1989], в IV-III вв. до н.э. на территории Киево-Черкасского региона функционировало городище в два раза меньше, чем в предыдущий период.

Впрочем, ситуация едва ли была неизменной - она зависела от конкретной исторической обстановки и реального, складывающегося в данный момент, соотношения сил между скифами и оседлым населением Лесостепи, что едва ли позволит провести четкую северную границу скифского объединения и вынуждает, скорее, говорить о сфере его влияния, постепенно уменьшающегося по мере удаления от центра. Не вызывает сомнения, что подобная же ситуация была характерна и для периода скифской гегемонии в Передней Азии.

Это обстоятельство весьма важно для понимания природы скифских кочевых образований, поскольку оно свидетельствует, что одной из важнейших их функций - будь то "царства Иркуза" или северопричерноморской Скифии, должно было быть поддержание отношений господства и зависимости, складывающихся в результате покорения оседлого населения ираноязычными номадами. Однако этот момент не может рассматриваться как однозначное доказательство в пользу трактовки скифских кочевых объединений как государственных образований, ибо отношения господства и зависимости могли иметь место не только в рамках политических, но и позднепотестарных организаций. Для того, чтобы приблизиться к ответу на интересующий нас вопрос, мы предприняли анализ характера и структуры власти у кочевых скифов.

К числу характерных особенностей скифской военной организации относится ее трехчленная структура [Геродот, IV, 5-7; 120 и др.]. Привлекая данные этнографии, можно легко убедиться, что принцип трехчленного деления кочевой орды был достаточно универсален. Наиболее хорошо такое деление (на "центр" и "крылья") прослеживается на материале многочисленных тюрко- и монголоязычных народов от древних хунну до средневековых калмыков. При этом одно из "крыльев" выполняло функцию военного ополчения, второе - постоянного войска, а "центр" - органа военно-политической власти [Стратанович, 1974; Карагодин, 1984].

Зарождение трехчленной структуры связано с процессом разложения первобытных отношений. Возникновение имущественного нера-

венства приводит к выделению знатных и правящих родов, господство которых обеспечивалось закреплением за ними военных функций [Аверкиева, 1970]. У кочевников, с характерной для них организацией, построенной по родо-племенному принципу, по данной схеме строились отношения внутри крупных племенных союзов и конфедераций. Так формировалась основа (два неравноправных "крыла") будущей триадной организации. С выделением "центра", этой наиболее привилегированной части кочевого общества, триадная организация получала свое окончательное завершение. Очень часто её окончательное оформление являлось следствием включения в состав орды покоренных групп кочевого населения, орудием господства над которыми кочевой верхушки, опиравшейся на "природных" подданных, и служила триадная организация. При этом зависимым племенам выделялось особое место ("крыло") в рамках нового объединения. Идеологически единство этих новообразований достигалось выработкой легендарного генеалогического древа, возводившего различные по происхождению группы кочевников к общему родоначальнику и закреплявшему "законность" сложившихся внутри кочевого объединения отношений путем соотнесения подразделений последнего с главной и боковыми его ветвями.

Надо думать, что таким же путём сформировалась и скифская триадная организация, трансформировавшаяся из дуальной (отмеченное Диодором Сицилийским деление на "палов" и "напов") в результате покорения местного кочевого населения ("исторических киммерийцев") кочевыми племенами, продвинувшимися в степи Восточной Европы в VII в. до н.э. с востока ("протоскифами"). Не случайно один из вариантов скифской генеалогической легенды, рассказывающий о Таргитае и его сыновьях [Геродот, IV, 5-7], зафиксировал, что в рамках скифской трехчленной организации были объединены четыре родо-племенные подразделения - паралаты, авхаты, катиары и траспики. Это может служить лишним подтверждением тому, что скифская триадная организация возникла в результате наложения дуальной структуры пришельцев с востока на такую же структуру аборигенных племен.

Из письменных источников следует, что принцип трехчленности лежал и в основе административно-территориального деления многих кочевых образований. Стоявшие во главе "крыльев" предводители и их ближайшее окружение назначались верховным владельцем из числа его родственников. За ними закреплялась определенная территория с жившим на ней населением, от численности которого зависела численность выставляемых им воинов (улусно-удельная система). Определен-

ным свидетельством существования такой системы у скифов может служить легенда о Колоксае, разделившем Скифию между тремя сыновьями [см. Хазанов, 1975]. Не удивительно, что соответствующие структурные подразделения скифской орды (два "крыла" и "центр"), обладавшие определённой территорией кочевания и управляемые родственниками скифского царя, возможно - его непосредственными наследниками (есть основания полагать, что верховная власть у скифов передавалась по схеме: от старшего брата к младшему и далее к старшему племяннику [Мурзин, Павленко, 1989]) и поэтому также являющихся "царями", были восприняты Геродотом [IV, 120] как относительно самостоятельные царства-басилеи.

В таком случае структура скифского объединения была одной из разновидностей так называемых "сегментных структур", характерных для позднепотестарных обществ - т.е. таких пирамидальных структур, организация власти в которых на более низких таксономических уровнях повторяет организацию власти на вершине пирамиды. При этом контроль этой вершины над нижестоящими сегментами был достаточно слабым [Куббель, 1988, С. 58-59]. Не случайно Фукидид [II, 97], отмечая военную мощь скифского объединения, счёл нужным добавить, что его слова справедливы лишь в тех случаях, когда скифы сохраняют единодушие.

Таким образом, характерные черты организации власти в скифском объединении - её иерархичность, основанная на представлении о старшинстве генеалогических линий и поддерживаемая соответствующей военной организацией, власть наследственных руководителей, принадлежащих к одному правящему роду и сакрализация этой власти - все это сближает описанную нами структуру с так называемым вождеством, т.е. такой позднепотестарной надстройкой, которая основана на принципах "конического клана" [Васильев, 1981]. По-видимому, у кочевых скифов, общество которых сочетало в себе элементы родо-племенных отношений, консервируемые коллективным пользованием землей, и частнособственнические начала, вырастающие из частной собственности на скот [Бунятян, 1985], организация власти и не могла приобрести иную форму, чем вождество, занимавшее то промежуточное положение между позднепотестарными и раннеполитическими структурами, где грань между ними почти незаметна.

Однако потребности внешнеэксплуататорской деятельности закономерно выдвигали на первый план военный аспект административно-военной функции данной надстройочной структуры, что объективно

требовало значительной консолидации скифских племён и сосредоточения власти в руках скифской аристократии. Эти процессы должны были быть особенно сильны в периоды "пиков" внешнеэксплуататорской деятельности - т. е. в период походов в Переднюю Азию и в период расцвета северопричерноморской Скифии. В свою очередь, усиление центральной власти - насколько это вообще возможно в кочевом обществе - сопровождался и централизацией редиистрибуционных функций. Именно благодаря этому в определенные, сравнительно короткие отрезки времени, в руках представителей царского рода и высшей скифской аристократии накапливались огромные богатства, движение которых от непосредственных производителей к вершине "пирамиды" поддерживалось стройной военной организацией. Усиление центральной власти при этом порождало не только неприкрытые и жесткие формы межэтнической эксплуатации, но и частично переносило эти отношения вовнутрь самого кочевого общества - не случайно массовые археологические материалы фиксируют наибольшую имущественную и социальную поляризацию скифского населения Северного Причерноморья именно в IV в. до н. э. - в период наивысшего расцвета северопричерноморской Скифии. Так потестарная по форме военная организация триадного типа приобретала новое содержание, превращаясь в организацию военно-политическую. Царские курганы скифов VII-начала VI и конца V-IV вв. до н. э. являлись материальным символом изменений, происходивших в обществе, отражавшим в сознании его членов тот реальный разрыв, имевший место между обществом и отделившейся публичной властью.

Иными словами, мы считаем, что развитие скифской государственности носило дискретный характер, охватывая лишь отдельные этапы истории кочевых скифов, соотносимые с периодами наивысшего подъёма "царства Ишгуза" и северопричерноморской Скифии. Естественно, эти раннеполитические образования были весьма далеки от государства развитого типа и своей незавершенностью, рыхлостью соответствовали уровню развития скифского кочевого общества, как и кочевого общества вообще. Двойственная природа этого общества, сочетавшего в себе признаки первичной и вторичной формаций [Бунятян, 1985], обуславливала обратимость процессов развития скифской государственности в периоды спада внешнеэксплуататорской деятельности. В частности, такой спад в её функционировании, произошёл, по нашему мнению, в VI в. до н. э.

Несмотря на неустойчивость и рыхлость раннеполитических

структур кочевых скифов, периоды их стабилизации благотворно сказывались на процессе этногенеза скифов, активизируя, как явствует из следующей главы, этнообъединительные процессы.

Глава 4 "Этническая история скифов в VII-V вв. до н.э." состоит из двух разделов.

В первом разделе - "У истоков этноса", особое внимание уделяется определению начальной точки в формировании собственно скифского этноса, а также рассмотрению предшествующих ей событий.

Поскольку скифский этнос являлся новообразованием, сложившимся в результате взаимодействия местных ("кimmerийских") и пришлых ("протоскифских") этнических компонентов, то начальной точкой этногенеза скифов следует считать время встречи этих компонентов, которое приходится на начало VII в. до н.э. Этот вывод опирается на наблюдения этнографов, согласно которым отправным моментом в формировании новой этнической общности обычно следует считать не столько момент миграции этнической общности или отделение переселяющейся этнической группы от "материнского этноса", сколько тот период, когда между переселенцами и автохтонным населением начиналось взаимодействие, в ходе которого у них появлялись общие характерные черты [Бромлей, 1983, с. 280-281].

Одним из проявлений таких общих характерных черт и стало формирование собственно скифской культуры, которое происходит на протяжении VII в. до н.э.

Раннескифская культура представляет собой сплав трёх различных по происхождению слагаемых: местных предскифских традиций, элементов, привнесённых на территорию Восточной Европы из глубинных районов Азии в VII в. до н.э., а также отдельных включений переднеазиатской культуры. Данное сочетание обусловлено тем, что процесс сложения скифского этноса начался в условиях переднеазиатских походов, сыгравших роль своеобразного катализатора в образовании нового кочевого народа.

Так, переднеазиатским влиянием объясняется наличие у скифов защитного панцирного вооружения воина и боевого коня, некоторых образов и иконографических схем скифского звериного стиля. К местной группе слагаемых скифской материальной культуры пока достаточно уверенно можно отнести лишь лепную керамику и такие типы погребальных сооружений как катакомбы и столбовые гробницы. Элементы скифской материальной культуры, привнесённые из восточных районов Евразии, представлены наконечниками стрел жаботинского типа, стре-

мячковидными удилами, трубчатыми трехдырчатыми псалями, бронзовыми круглыми зеркалами с ручкой на обороте, каменными блюдами, мечами-акинаками [Мураин, 1984, С. 66-91].

При этом необходимо учитывать, что некоторые формы раннескифской культуры, в частности ромбические двулопастные наконечники стрел, стремячковидные удила и трубчатые псалии морфологически близки аналогичным категориям материальной культуры из позднейших предскифских памятников Восточной Европы типа Черногоровки-Камышевахи. В этой связи особое значение приобретает следующие два момента. Во-первых, отсутствие хронологического стыка между черногоровскими и новочеркасскими древностями, разделенными временем новочеркасского культурного пласта [Тереножкин, 1975; 1976]. Во-вторых, может считаться доказанным восточное происхождение некоторых элементов черногоровского комплекса [Членова, 1975; Тереножкин, 1976], нижнюю границу которого следует опустить, судя по всему, до рубежа X-IX вв. до н.э. Это позволяет предположить, что данные формы и в самом начале I тыс. до н.э., и в VII в. до н.э. были привнесены на территорию европейских степей из восточных районов Евразии, где происходило непрерывное развитие протоскифской культуры [Ключко, Мураин, 1987; 1989; Мураин, 1990].

Итак, археологически фиксируется проникновение на территорию юга Восточной Европы в начале раннего железного века двух последовательных волн носителей протоскифской культуры. В результате первой из них в Восточной Европе появляются чуждые местной линии развития формы кинжалов, наконечников стрел, удила, псалиев, а также антропоморфные изваяния, непосредственно связанные с оленными камнями Южной Сибири и Центральной Азии. Последнее, как отметила Н. Л. Членова [1975, С. 88], окончательно убеждает, что речь идет не о торговых связях, а именно о передвижениях населения.

Проявившись особо ярко в X-IX вв. до н.э., импульс восточного влияния в Восточной Европе постепенно затухает, если не считать выработки новочеркасских форм цельножелезных кинжалов и каменных антропоморфных изваяний на основе эволюции привнесенных в черногоровское время элементов [Тереножкин, 1975; 1978]. Передавшие этот импульс группы населения, по-видимому, растворились в местной киммерийской среде. Может быть лишь как память об этих событиях сохранилось до времен Геродота предание о некой Исконной, древней Скифии [Геродот, IV, 99], локализуемой обычно в Северном Причерноморье, т.е. именно там, где имеет место наибольшая концентрация

черногоровских памятников в отличие от памятников новочеркасских, основная масса которых размещается восточнее - на территории равнинной части Северного Кавказа [Лесков, 1981, С. 87].

Возникновение на территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья скифского объединения было результатом появления здесь второй волны носителей протоскифской культуры, принесших с собой целый комплекс характерных элементов (наконечники стрел, удила и псалии, акинаки, антропоморфные изваяния, зеркала, каменные блюда, традиции "звериного стиля", в конце концов - собственное имя), сложившихся на востоке Евразии к VII в. до н.э.

Как уже неоднократно отмечалось ранее [Иллінська, 1973; Тереножкин, 1976; Мурзин, 1984], начальное проникновение второй волны протоскифов на указанную территорию фиксируется по находкам наиболее архаических наконечников стрел скифского типа (удлинненно-ромбических) и погребальных комплексов, в составе инвентаря которых обнаружены вещи, свойственные как новочеркасской, так и скифской культурам (Лермонтовский разъезд, погребения 1921 г. Каменно-мостского могильника, №39 Кубанского могильника, у сс. Енджа и Белоградца, возможно - комплекс из ст. Махосhevской).

Это еще раз подтверждает, что отправной точкой этногенеза скифов следует считать именно начало VII в. до н.э. С этого времени, в соответствии с археологическими материалами и наиболее ранними упоминаниями скифов в древневосточных письменных документах, мы можем употреблять этот термин в отношении кочевого населения, обитавшего на просторах северокавказских и причерноморских степей, а также обладавшего вполне определенной и хорошо выделяемой "скифской культурой". Однако следует помнить, что "скифы" в этот период скорее политическое, чем этническое понятие, поскольку для сложения соответствующей этнической единицы требовалось достаточно длительное время. Условные моменты этого процесса рассматриваются нами в следующем разделе настоящей главы - "Основные этапы формирования скифского этноса".

Следует отметить, что сложность этой задачи усугубляется отсутствием каких-либо прямых и однозначных письменных сведений относительно этнической истории скифов, а также отсутствием отработанной методики использования данных археологии для восстановления этнических процессов древности. По этой причине нам приходится привлекать различные, зачастую весьма косвенные данные.

К их числу относится и тот факт, что в ассирийских докумен-

тах, содержащих сведения о кочевниках, проникших на территорию соседней Маны, наряду со скифами, "угрожающими из-за перевалов Ху-бушкии", упоминаются и киммерийцы [АВИУ, №65-69]. Поскольку при упоминании вождей кочевников, закрепившихся на территории Маны, никакой путаницы не наблюдается - в запросах Асархаддона говорится о "скифе Ишпакае" и "царе страны Ишкуза Партадуа", остается предположить, что войско скифских царей не было однородно в этническом плане и состояло как из собственно скифов, так и какой-то части киммерийцев, покоренных ранее или влившихся в скифскую орду во время походов.

Археологическим подтверждением этому служат материалы Келермесских курганов, уздечные наборы из которых можно разделить на две группы. В первую входят комплекты, орнаментированные геометрическим орнаментом в духе новочеркасской традиции, во вторую - наборы, оформленные в соответствии с канонами скифского звериного стиля [Галанина, 1983]. Опираясь на известные выводы М. П. Грязнова [1950; 1960], согласно которому кони, захороненные в курганах кочевой аристократии, являются приношениями погребенному владыке от подчиненных ему общественных подразделений, можно предположить, что материалы Келермесса также свидетельствуют о наличии внутри скифского объединения двух различных групп населения [Ковалев, 1987], первая из которых являлась носителем традиций позднейшей предскифской, киммерийской культуры, а вторая - новых культурных традиций, которые мы связываем с "протоскифскими" племенами.

Однако к концу VII в. до н. э., как уже отмечалось ранее, на всей территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья распространяется весьма единообразная материальная культура, известная под наименованием "скифской".

Довольно быстрое сложение и распространение этого новообразования, интегрировавшего различные по происхождению компоненты, объясняется, с нашей точки зрения, объединением протоскифских и киммерийских племен в рамках единой трехчленной структуры, сложившейся в период "царства Ишкуза". Завоеванное население было собрано в рамках неравноправного подразделения ("крыла") скифской орды, что вполне соотносится с наблюдениями этнографов, согласно которым осколки побежденных кочевых племен и народов обычно составляли новые таксономические единицы в объединениях победителей [Абрамзон, Потапов, 1975].

Иными словами, уже в начальный период скифской истории воз-

нило реальное единство социально-экономической структуры, которое, как и единство территории, относится к числу этнообразующих факторов, наличие которых необходимо для зарождения этнических отношений. В процессе их развития и складываются те производные признаки (язык, культурно-бытовой уклад и этническое сознание) благодаря которым данная этническая общность выделяется среди массы других [Генинг, 1970].

Известно, что одним из ярких проявлений любого этноса является противопоставление в сознании индивидуумов, его составляющих, себя окружающим. Примеры такого противопоставлений, в основе которых лежали сведения, полученные от скифов, легко отыскать у Геродота. Это предание о приходе скифов из-за Аракса ("Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое..."), характеристика окружающих Скифию савроматов, меланхленов, андрофагов [Геродот, IV, 5; 106; 107; 117]. Как еще одно проявление этнического самосознания скифов могут рассматриваться и скифские этногенетические легенды [Геродот, IV, 5-7; 8-10], которые, как давно замечено [Лашук, 1967; Давыдов, 1969; Генинг, 1970] отражают процесс формирования нового гетерогенного этноса.

Все эти отрывочные данные недвусмысленно свидетельствуют о том, что в V в. до н.э. на территории Скифии этнообъединительные процессы протекали достаточно активно. Однако этих фактов недостаточно для того, чтобы определить, насколько эти процессы были близки к своему завершению.

По мнению ряда этнографов [например: Чебоксаров, 1967; Бромлей, 1983], наиболее четкие этнодифференцирующие признаки следует искать в сфере культурно-бытового уклада. Однако это весьма непосто, тем более специалисту по истории древних народов, не имевших письменности, поскольку он изучает не столько саму культуру конкретного этноса, сколько её овеществленную форму - так называемую "археологическую культуру". Отдельные её компоненты отражают различные черты культурно-бытового уклада. Последние, в свою очередь, подразделяются на устойчивые и неустойчивые. Хотя неустойчивые компоненты также придают культуре свою специфику, выделяют данный этнос среди других прежде всего признаки устойчивые. К числу последних относится и хорошо поддающийся археологическому изучению погребальный обряд [Бромлей, 1983, с. 128-132].

Анализ раннескифского погребального обряда [Мурзин, 1982; 1984, с. 48-65] позволяет сделать вывод о его сложности и разнооб-

разии форм, что отчетливо проявляется в одновременном существовании на одной территории многих типов погребальных сооружений. Объяснение этому мы видим в социальной структуре скифского общества, а также в различном происхождении его этнических компонентов. При этом причины этнического и социального характера в данном случае не должны противопоставляться. Иными словами, мы считаем, что неоднородность скифского погребального обряда является отражением сложной этно-социальной структуры скифского общества, возникшей в результате утверждения господства одного из компонентов ("протоскифов") формирующегося скифского этноса.

Значительная унификация погребального обряда скифов к концу V в. до н.э. свидетельствует о некотором упрощении структуры скифского общества, скорее всего об исчезновении двойного - этнического и социального, принципа его стратификации. С этого момента и погребения скифских царей, и захоронения рядовых кочевников производятся в перекрытых курганами катакомбах, отличаясь друг от друга размерами курганной насыпи, глубиной входной ямы, объёмом погребальной камеры. Именно вариации этих признаков, соотносённые с количеством и составом погребального инвентаря, наличием или отсутствием сопровождающих захоронений и другими деталями, а не различия в типах погребальных сооружений, позволяют археологически выделять социальные группы скифского общества этого времени [Ролле, 1979; Мозолевский, 1979; Генинг, 1984; Бунятян, 1985; Алексеев, Мураин, Ролле, 1991]. Все это убеждает нас, что к концу V в. до н.э. в среде скифов произошли значительные этнические изменения - именно с этого времени скифский этнос можно считать практически сложившимся.

Причины, приведшие к этому, мы видим в той политической ситуации, которая возникла в результате сложения северопричерноморской Скифии в пределах Степи и Лесостепи, господствующее положение в которой занимало кочевое население. В этих условиях, естественно, должно было исчезнуть деление на кочевников на "природных" и "новых" подданных, являвшееся основой их этно-социальной стратификации, поскольку по отношению к земледельцам Лесостепи все они являлись "природными" подданными скифских царей. Эта новая ситуация, по нашему мнению, нашла свое отражение во втором варианте скифской генеалогической легенды - о Геракле и его сыновьях [Геродот, IV, 8-10], которая, в отличие от легенды о Таргитае, обосновывает не единство степных кочевников, а кочевников, которые рассматриваются

здесь уже как одно целое, и нескифского населения Лесостепи.

В результате мы можем выделить следующие этапы формирования скифского этноса:

- 1). Начало - первая половина VII в. до н.э. Продвижение с востока на территорию степей Северного Кавказа и Северного Причерноморья протоскифских племён привело к взаимодействию пришлого и местного предскифского населения, что явилось исходной точкой этногенеза скифов.
- 2). VII - начало VI вв. до н.э. Сложение в период походов в Переднюю Азию этно-социальной структуры скифского объединения, основанной на покорении протоскифами киммерийского населения.
- 3). VI - начало V вв. до н.э. Образование северопричерноморской Скифии в пределах Степи и Лесостепи под эгидой ираноязычных кочевников, осуществлявших коллективную эксплуатацию земледельцев Лесостепи.
- 4). V в. до н.э. Ускорение объединительных этногенетических процессов внутри кочевой орды приводит к формированию к концу этого периода, в основном, собственно скифского этноса.

В заключении сформулированы основные выводы исследования. В этой связи констатируется, что ранний этап скифской истории (VII - V вв. до н.э.) был не только насыщен бурными событиями - такими, как походы в Переднюю Азию или победоносная война с Дарием I, но и во многом определил судьбу этого знаменитого кочевого народа. Именно на протяжении этих трех веков происходит освоение скифами обширных пространств Восточной Европы, становление скифской государственности, формирование скифского этноса и сложение скифской культуры.

Все эти судьбоносные для скифской истории моменты нашли свое освещение в настоящей работе.

В результате мы пришли к выводу, что архаический период истории скифов можно подразделить на два этапа. Первый из них связан с обитанием основного ядра скифских племён на территории равнинных районов Северного Кавказа и Прикубанья, второй - с освоением Северного Причерноморья.

Первый из названных выше этапов был временем сложения этно-социальной структуры скифского общества, сформировавшейся в результате покорения пришлыми кочевыми племенами ("протоскифами") местных номадов ("киммерийцев"). Возникшие, вследствие этого, отношения господства и подчинения поддерживались в рамках трехчлен-

ной организации, которая была инструментом власти правящей верхушки, опиравшейся на "природных" подданных. Идеологически единство возникшего кочевого объединения и неравноправное положение его различных структурных частей ("центра" и двух "крыльев") обосновывалось скифскими генеалогическими легендами, в частности, зафиксированным Геродотом рассказом о Таргитае и его сыновьях.

По своему характеру скифское объединение (его иерархичность, опиравшаяся на представление о старшинстве генеалогических линий, наследственная власть лиц, принадлежащих к одному правящему роду, сакрализация власти) было типичным "вождеством", т. е. повднепотестарной, по своей сути, надстройкой. Однако в периоды усиления внешнеэксплуататорской деятельности скифов (время походов в Переднюю Азию и время сложения северопричерноморской Скифии в пределах Степи и Лесостепи) имела место концентрация власти в руках скифской правящей верхушки, что сопровождалось централизацией редистрибуционных функций. Усиление центральной власти приводило не только к неприкрытым и жестким формам эксплуатации попавших под власть скифского объединения оседлых народов, но и в определенной степени влияла на положение непосредственных производителей внутри самого кочевого общества. Так потестарная по форме военная организация триадного типа превращалась в организацию военно-политическую.

Таким образом, развитие скифской государственности носило прерывистый характер, поскольку для стабильного развития прочных кочевых образований были необходимы не только внутренние, но и внешние объекты эксплуатации [Хазанов, 1975, С. 255]. Последние играли весьма значительную роль в кочевых обществах в силу ограниченных экономических возможностей экстенсивного скотоводства, а также благодаря военному превосходству кочевников над соседними оседлыми народами [Першиц, 1976, С. 290]. Поэтому одной из основных целей раннеклассовых образований кочевников было всемерное расширение сферы своего политического влияния и возложение даннических отношений на покоренные народы [Лашук, 1967, С. 255].

Не являлись исключением в этом плане и скифы, на всем протяжении своей истории отнюдь не пренебрегавшие такими источниками доходов, как грабежи и взимание дани с покоренных народов, а также иными подобными формами получения продуктов ремесла и земледелия.

В период существования "царства Ишгуза" основным объектом такой эксплуатации являлось население Закавказья и Передней Азии, а

позднее - в эпоху северопричерноморской Скифии, - земледельческие племена украинской Лесостепи. В отличие от весьма недолговечного "царства Ишкуза", развитие которого проходило на VII - первую половину VI в. до н.э., временной отрезок, на протяжении которого существовала северопричерноморская Скифия (вторая половина VI - IV вв. до н.э.), был более длительным, что создало одну из предпосылок завершения этнического процесса, в развитии которого немалую роль играл фактор времени [Генинг, 1970, С.118].

Вторым важнейшим фактором, влиявшим на консолидацию кочевого населения северопричерноморской Скифии, было противостояние кочевников и земледельцев Лесостепи. Как известно, внешнеэксплуататорская деятельность тормозила развитие эксплуатации внутри кочевых обществ [Першиц, 1976, С.302]. Данное обстоятельство не могло не способствовать затуханию этнических различий в среде скифских племен, привилегированное или подчиненное положение которых относительно друг друга определялось принадлежностью к тому или иному компоненту формирующегося скифского этноса.

В условиях подвижного кочевого быта единство данного этнического новообразования, возникшего в условиях раннеклассового общества, осознавалось через призму подлинных и мнимых кровнородственных связей, закреплённых в скифских генеалогических легендах. Это характерная особенность практически всех кочевых этносов, специфичных своей архаичностью, что объясняется консервацией доклассовой по форме этнической общности в условиях экстенсивного скотоводства, препятствовавшего сложению территориальных связей [Першиц, 1982, С.177-178].

Этот момент необходимо учитывать при определении исторического типа скифского этноса, который, с нашей точки зрения, может быть обозначен как "постплеменная народность" по Ю.В. Бромлею [Бромлей, 1983, С.285], "территориально-племенная общность" по Л.Н. Лашуку [Лашук, 1968, С.106], или "территориально-этническая общность" по В.Ф. Генингу [Генинг, 1970, С.118]. Сложение этого этноса в основном завершилось к концу V в. до н.э.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

1. Скифская архаика Северного Причерноморья. - К.: Наук. думка, 1984. - 133 с.

2. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. - К.: Наук. думка, 1990. - 88 с.

3. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. - К.: Наук. думка, 1991. - 416 с. (Соавторы А. Ю. Алексеев, Р. Ролле).

4. Раннескифское погребение под Запорожьем // Новейшие открытия советских археологов: Тез. конф. - К.: Наук. думка, 1975. - С. 13-14.

5. Похоронения VIII - почитку VII ст. до н.э. на Херсонщині // Археологія. - 1977. - Вип. 22. - С. 74-78.

6. Два раннескифских комплекса из Запорожской области // Новые исследования археологических памятников на Украине. - К.: Наук. думка, 1977. - С. 54-68.

7. Раннескифское погребение у с. Верхнетарасовки // Курганы юга Днепропетровщины. - К.: Наук. думка, 1977. - С. 56-59. (Соавтор Г. Л. Евдокимов).

8. Скифский могильник у с. Верхнетарасовки // Курганы юга Днепропетровщины. - К.: Наук. думка, 1977. - С. 59-124. (Соавторы Е. П. Бунятян, Н. Н. Чередниченко).

9. Скифские погребения степного Северного Причерноморья VII-V вв. до н.э. // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг.: Тез. конф. - Ужгород: ИА АН УССР, 1978. - С. 50-51.

10. Скифы на Північному Кавказі // Археологія. - 1978. - Вип. 27. - С. 22-36.

11. Скифський курган у с. Дніпрани // Археологія. - 1979. - Вип. 32. - С. 61-63. (Соавтор Е. В. Черненко).

12. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. - К.: Наук. думка, 1980. - С. 155-167. (Соавтор Е. В. Черненко).

13. Рец.: Рання залізна доба в виданнях наукових установ Північного Кавказу // Археологія. - 1980. - Вип. 33. - С. (Соавторы А. В. Симоненко, Е. В. Черненко).

14. Скифы и Северный Кавказ // Археологія и краєведение -

ВУЗу и школе: Тез. конф. - Грозный: Чечено-Ингушский ГУ, 1981. - С. 27-28.

15. Археологія ранньої залізної доби на території України в роки Х п'ятиріччя // Археологія. - 1982. - Вип. 40. - С. (Соавтори С. С. Бессонова, А. И. Тереножкин).

16. Погребальный обряд степных скифов в VII-V вв. до н.э. // Древности степной Скифии. - К.: Наук. думка, 1982. - С. 47-64.

17. Курганы скифских царей (из истории исследований) // Вестник АН СССР. - 1982. - №11. - С. 101-112. (Соавтор Е. В. Черненко).

18. Проблема походження скіфів в сучасній історіографії // Археологія. - 1984. - Вип. 46. - С. 22-31.

19. Раннескифское погребение с оружием у с. Новокиевка // Вооружение скифов и сарматов. - К.: Наук. думка, 1984. - С. 75-82. (Соавтор Г. Л. Евдокимов).

20. Рец.: Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984 // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. - 1985. - №4. - С. 227-231. (Соавтор Е. В. Черненко).

21. Об одном из аспектов возникновения северопричерноморской Скифии // Проблемы исследования Ольвии: Тез. конф. - Парутино: ИА АН УССР, 1985. - С. 90-91.

22. Некоторые дискуссионные вопросы современного скифоведения // Археология УССР. - т. 2. - К.: Наук. думка, 1986. - С. 10-18.

23. Вооружение боевых коней в скифское время // Археология УССР. - т. 2. - К.: Наук. думка, 1986. - С. 148-150 (Соавтор Е. В. Черненко).

24. Про утворення північнопричорноморської Скіфії // Археологія. - 1986. - Вип. 55. - С. 1-10.

25. Историография зарождения классового общества // Историография истории Украинской ССР. - К.: Наук. думка, 1986. - С. 20-26.

26. О двух этапах продвижения протоскифов в степи Восточной Европы // Ист. чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. конф. - Омск: ОмГУ, 1987. - С. 24-26. (Соавтор В. И. Ключко).

27. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. - К.: Наук. думка, 1987. - С. 12-19. (Соавтор В. И. Ключко).

28. О датировке черноголовских и новочеркасских памятников // Киммерийцы и скифы: Тез. Всесоюз. сем. памяти А. И. Тереножкина. - Кировоград: ИА АН УССР, 1987. - ч. 1. - С. 73-75. (Соавтор В. И. Ключко).

29. О военно-политической организации кочевых скифов // Ким-

мерийцы и скифы: Тез. Всесоюз. сем. памяти А. И. Тереножкина. - Кировоград: ИА АН УССР, 1987. - ч. 2. - С. 26-28.

30. Рец.: Максименко В. И. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1984 // СА. - 1988. - №1. - С. 273-276. (Соавтор А. В. Симоненко).

31. Узловые моменты этногенеза скифов // 1-Кубанская археологическая конференция: Тез. докладов. - Краснодар: Кубанск. ГУ, 1987. - С. 13-14.

32. Формирование раннеклассового общества на территории Украины. - К.: ИА АН УССР, 1989. - 48 с. (Соавтор Ю. В. Павленко).

33. О локализации "царства Искуза" // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. конф. - Запорожье: ИА АН СССР, 1989. - С. 95-97. (Соавтор Е. В. Черненко).

34. О государственности кочевых скифов // Проблемы истории та археологии древнего населения УРСР: Тези доп. XX Респ. конф. - К.: Наук. думка, 1989. - С. 149-151.

35. О хронологии древностей черноморовско-новочеркасского типа // Проблемы археологии Поднепровья. - Днепропетровск: ДГУ, 1989. - С. 61-71. (Соавтор В. И. Ключко).

36. Древнейшие политические образования ранних кочевников Восточной Европы по данным археологии // Древнейшие общности кочевников и скотоводов Северного Причерноморья (У тыс. до н. э. - У в. н. э.): Материалы межд. конф., Кишинев, 1991. - К.: 1991. - С. 209-210. (Соавторы Ю. В. Павленко, А. В. Симоненко).

37. Kimmerier und Skythen // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. - Schleswig: Archäol. Landesmuseum, 1991. - S. 57-70.

Подп. в печ. 29.09.92. Формат 60x84/16. Бумага тип. Офс. печать.
Усл.печ. л. 1,97. Уч.-изд.л. 2,00. Тираж 100 экз. Заказ № 543
бесплатно.

Отпечатано в Институте математики АН Украины.
252601 Киев 4, ГСП, ул.Репина,3

AB 25.635